

Вырезка из газеты
СОВЕТСКАЯ РОССИЯ

г. Москва

23 АПР 1981

ПОЛЕТ МУЗЫКИ

У МЕНЯ было больше встреч с прокофьевской музыкой, чем с ее автором. Он для меня весь в своих сочинениях и раньше, и теперь. Встречи с его сочинениями были встречей с Прокофьевым.

Одно из сильных впечатлений было от исполнения его Третьей симфонии в 1939 году. Дирижировал автор. Ничего подобного я при слушании музыки не ощущал. Она действовала на меня, как светопредставление. Прокофьев использует в симфонии сверхинтенсивные средства выражения. В третьей части, скерцо, струнные играют такую отрывистую фигуру, которая

как бы летает, точно летают стуски угара, как если бы что-то горело в воздухе. Последняя часть начинается в характере мрачного марша — разверзаются и опрокидываются грандиозные массы — «конец Вселенной»; потом, после некоторого затишья, все начинается с удвоенной силой при погребальном звучании колокола. Я сидел и не знал, что со мной будет...

Но сочинением, которое заставило себя полюбить и через себя вообще Прокофьева, оказался для меня Первый скрипичный концерт. Мне кажется, невозможно, любя музыку, остаться им не захваченным. По

впечатлению можно сравнить с тем, когда первый раз весной открываешь окно и первый раз с улицы врываются в него неугомонные звуки. Я влюбился в этот концерт...

После своего Пятого фортепианного концерта Прокофьев, по моему, нашел стиль новый и вместе с тем очень доходчивый и даже общедоступный. Я считаю, что «Семен Котко» именно из таких произведений. Вместе с тем это одно из самых богатых и самых совершенных созданий Прокофьева и, безусловно, лучшей советской опера. В «Семене Котко» Прокофьев продолжает путь, начертанный Му-

сорским. Этот путь по-своему продолжали многие, но, думаю, прямой наследник в области национальной народной музыкальной драмы — наш Прокофьев.

Никогда не забуду первое исполнение его Пятой симфонии в 1945 году, накануне победы. Это было последнее выступление Прокофьева как дирижера. Я сидел близко — в третьем или четвертом ряду. Большой зал был, наверное, освещен как обычно, но когда Прокофьев встал, казалось, свет лился прямо на него и откуда-то сверху. Он стоял, как монумент на пьедестале.

Святослав РИХТЕР,
народный артист СССР,
Герой Социалистического
Труда, лауреат Ленинской
и Государственной премий.

СЕГОДНЯ исполняется 90 лет со дня рождения Сергея Прокофьева. Не думаю, что я погрешу против истины, если скажу, что Прокофьев — гений двадцатого века. Он оставил истинные шедевры во всех музыкальных жанрах, будь то семь его превосходных симфоний — за последнюю он посмертно удостоен Ленинской премии — или фортепианные и скрипичные концерты, или оперы и балеты, или музыка к кинофильмам «Александр Невский», «Иван Грозный»... Пожалуй, немного мы можем называть имен композиторов, которые были бы столь же плодотворны, оставив непревзойденные образцы. Мне приходилось исполнять с оркестром и солистами оба скрипичных и почти все фортепианные концерты Прокофьева, и всякий раз его музыка поражала смелостью мысли, необычайной фантазией, она очень созвучна нашим современным ощущениям и восприятию мира. Это чувствуется уже в ранних произведениях композитора с их

жесткой, хлесткой гармонией, с их колкостью речитативов и вместе с тем пропитанных русской мелодикой, национальным духом. Есть произведения, в которых исполнителем порой необычайно трудно найти, через что же выразить свое собственное отношение к этой музыке. У Прокофьева таких сочинений просто не существует. Его музыка всегда выявляет особенности исполнителя, постижение ее как бы поднимает музыканта, позволяет преодолевать себя, завоевывать новую качественную ступень.

Особенно остро я почувствовал это, когда восемь лет назад вместе с Б. Покровским и В. Левенталем начал работать в Большом театре над первой постановкой у нас в стране оперы Прокофьева «Игрок». Она невероятно сложна для исполнения, и тем интереснее было всей труппе проверить свои силы, так сказать, подняться до композитора, стремясь как можно

лучше и точнее воплотить его замысел. Не сомневаюсь, что опере «Игрок» суждена на сцене долгая жизнь, она стала украшением репертуара Большого театра, который подарил нам до этого «Войну и мир», «Каменный цветок», «Семена Котко», «Повесть о настоящем человеке», «Ромео и Джульетту»... И, конечно, на «Игроке» театр не остановится, впереди нас еще ждут волнующие встречи с музыкой Прокофьева.

Вообще его произведения в нашей стране не обижены памятью, наоборот, к ним проявляется живой интерес. Сегодня они не менее популярны и доступны, чем, скажем, сочинения Чайковского, они постоянно присутствуют на афишах концертных залов, все больше их записывают на пластинки, мимо них не проходят лучшие театры. Одна из причин такой доступности мне видится в том, что в музыке Прокофьева очень ощутимо организуемое

ритмическое начало, то есть все рельефно выстроено, мелодика сбита в четкие рамки ритма. И, проникая в его музыкальные образы, мы находим в них богатые, самые разные, близкие нам оттенки человеческих чувств, настроений, состояний, но все же больше всего в них, пожалуй, света. За этой музыкой узнается и сам автор — человек жизнелюбивый, тонко и глубоко чувствующий, бескомпромиссный... Надо было обладать огромной силой воли, уверенностью в себе, чтобы до конца выдержать свою линию в творчестве, не отступить от нее, а ведь в начале века о сочинениях Прокофьева высказывались самые противоречивые мнения. Композитор верил, что его музыка дойдет до сердец людей — так оно и произошло.

Александр ЛАЗАРЕВ,
дирижер, заслуженный артист РСФСР, лауреат премии Ленинского комсомола.